

Александр Никулин

Советско-американская агрогигантомания 1920-1930-х годов: проекты, противоречия, результаты

Przegląd Wschodnioeuropejski 1, 181-200

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДР НИКУЛИН

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ АГРОГИГАНТОМАНИЯ 1920–1930-Х ГОДОВ: ПРОЕКТЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Американская аграрная мечта и русско-советская аграрная идея 1920–1930-х годов имели фактически одну цель: преобразование села по образцу крупных индустриальных предприятий города.

Подобного рода агрогигантомания являлась частным случаем всемирной гигантомании начала XX века – процесса создания в ходе индустриализации рекордно крупных машин, механизмов, фабрик и заводов. Небоскребы и конвейерные линии, трансокеанские лайнеры и полнеба закрывающие дирижабли, пушки огромных калибров и танки-мастодонты поражали воображение современников начала XX века.

Но в сравнении с индустриальным гигантизмом в городе индустриальное укрупнение в сельском хозяйстве имело гораздо меньшие успехи. Первые тракторы и локомобили, приводившиеся в движение паровыми двигателями, у современников не ассоциировались с гигантским преобразованием сельского хозяйства в целом. Ведь главная политико-экономическая особенность индустриального гиганта – это, прежде всего, громадная концентрация труда (людей) и капитала (зданий, машин, оборудования). Осуществлять ее в сельском хозяйстве, расплывленном на необъятных земельных площадях, ни агроинженеры, ни агрономы, ни агроменеджеры начала XX века не спешили.

Победившие в октябре 1917 года в России большевики с ходу принялись национализировать и укрупнять экономику, ожидая от этого немедленного и гигантского прироста производительных сил.

В сельском хозяйстве в результате национализации крупных помещичьих хозяйств были созданы *советские хозяйства (совхозы)* – крупные государственные аграрные предприятия, в которых советские наемные рабочие должны были производить сельхозпродукцию по единому государственному плану. Однако эксперименты, чуть не стоившие большевикам потери власти, вынудили их ввести НЭП, основной целью которого было достижение компромисса государства с крестьянством на

условиях рыночных отношений. Проекты коммунистической гигантомании отложили на неопределенный срок, а главной задачей было признано скорейшее восстановление разрушенного войнами хозяйства – для начала в традиционных формах многоукладной экономики, где важнейшая роль отводилась крестьянским хозяйствам. Но уже в годы первой пятилетки государство с новой яростной энергией и изобретательностью обратилось к агрогигантомании.

Наверное, никогда еще в истории, кроме как в 1920–1930-х годах желаемое тут же выдавалось за действительное, сказку объявляли былью. Вспомним шемящую грусть есенинских строк о соревновании жеребенка с паровозом:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Эти строки мы привычно относим к России в ее предчувствии надвигающегося шока индустриализации и коллективизации. И нам само собой представляется, что в 1920-е годы, когда Россия была действительно отсталой страной, в передовых странах, в особенности в фермерской Америке, уже произошла индустриализация сельского хозяйства. Но ведь нет же! Тогда даже в самой Америке электрифицирована была весьма незначительная часть ферм. Больше половины аграрных работ в американском сельском хозяйстве выполнялось лошадьми. Сельскохозяйственная техника была дорогой и недостаточно надежной. Так что, говоря метафорически, машина не всегда побеждала в соревновании с лошадью. Американское сельское хозяйство в массе своей базировалось на экономике обычных семейных фермерских хозяйств. На всю Америку было лишь несколько случаев создания зерновых агрофабрик¹.

В этой статье речь пойдет именно о тех американцах и о тех большевиках, которые в сельском хозяйстве полностью сделали ставку на машину и фабрику, о технико-экономических инноваторах двух стран, объединивших свои усилия в совместных аграрных проектах. Этот союз был выгоден и продуктивен для каждой из сторон до самого начала 1930-х годов. Сегодня, по истечении прошедших с тех пор более трех четвертей века, интересно реконструировать социально-психологическую сторону взаимодействия между русскими и американцами, увлеченно и упорно трудившимися над возведением индустриальных агрогигантов.

---

¹ D. Fitzgerald, *Every Farm a Factory: The Industrial Ideal in American Agriculture*, Yale University Press 2003, p. 10–32.

Вспоминая историю сотрудничества с большевиками трех американцев – менеджера-коммуниста Гарри Уэйра (1889–1935), механика-идеалиста Лемента Харриса (1899–1985) и капиталиста-реформатора Томаса Кемпебла (1882–1966), – мы побываем в советской России времен НЭПа и первой пятилетки, постараемся реконструировать и проанализировать американско-советский аграрный опыт.

1. Тойкинские руины и Гарольд Уэйр

Несколько лет назад мне довелось побывать в социологическом исследовании в пермском селе. Был конец апреля, но здесь выпал снег, было промозгло и пасмурно. В Тойкино в поздние советские времена находилась центральная усадьба процветавшего тогда совхоза. А ныне тут борется за экономическое выживание небольшой сельскохозяйственный кооператив. Миловидная служащая сельского муниципалитета сопровождала меня в тойкинских социологических изысканиях, добросовестно отвечая на мои расспросы о местном житье-бытье. Из конторы мы проследовали в прилегающее помещение, объединявшее клуб и детский сад. В клубе мое внимание привлек как-то сиротливо висящий стенд со стандартной краеведческой шапкой-заголовком «Из истории нашего села». Под заголовком – фотографии людей, битком набившихся в открытый автомобиль, изображения первых тракторов, а в центре портрет лучисто улыбающегося человека средних лет. Подпись под портретом гласила, что это некий Гарольд Вер.

– У нас здесь были американцы – застенчиво сказала моя сопровождающая.

– Что? Какие американцы? – машинально переспросил я.

– У нас здесь был создан первый советско-американский совхоз, еще по личному указанию Ленина.

– Правда? Интересно!..

Времени читать рукописный текст, пояснявший фотографии, и расспрашивать об американцах у меня не было, и я просто фотографировал весь стенд. Воспроизвожу из него несколько строчек о сути тойкинского советско-американского проекта:

Летом 1922 года в Тойкино прибыл американский тракторный отряд во главе с Гарольдом Вером. С отрядом Гарольда Вера, насчитывающим 20 тракторов «Кейс» и один «Фордзон», прибыло из Америки 10 человек... 8 августа 1922 года американцы устроили большую показательную работу

в совхозе. 500 крестьян пришли смотреть, как работают американские трактора. В совхозе Тойкинский американцы вспахали и засеяли 900 га для озимой ржи и 500 га для яровой пшеницы.

Мы вышли из клуба, сели в уазик и на нем, словно на катере, поплыли по снежно-слякотным волнам-ухабам тойкинских улиц. Вокруг бросались в глаза руины двухэтажных совхозных домов, оставленных жителями из-за невозможности протопить их в кризисные 1990-е годы, да и вообще найти здесь какую-либо работу. На окраине Тойкино возвышалась водонапорная башня из серого кирпича, на округлой вершине которой красным кирпичом было выложено «Ленин с нами»...

Вернувшись в Москву, анализируя собранные в пермских селах материалы, я занялся поиском сведений об американском совхозе. Их и в нашей, и в американской литературе оказалось предостаточно².

В центре этой тойкинской истории, да и фактически всего советско-американского аграрного сотрудничества 1920-х оказалась личность того самого Гарольда Уэйра (Вера), портрет которого висит на стенде в тойкинском клубе³.

Уэйр оказался блестящим социальным менеджером коммунистического толка, получившим образование агронома в Пенсильванском университете, и в 1910-е годы, участвовавшим в организации рабочего движения лесорубов и сельхозрабочих Америки. После победы большевистской революции, Уэйр стал активистом «Общества друзей советской России». В 1921 году он посетил Россию и был потрясен технической отсталостью ее сельского хозяйства, разрухой и голодом. Уэйр предложил Ленину план оказания американской помощи в механизации сельского хозяйства. План с энтузиазмом был принят вождем мирового пролетариата. Вернувшись в Америку, Уэйр провел успешную кампанию по сбору средств для создания агромеханизированной колонны. Летом 1922 года в Россию прибыл железнодорожный состав из пятидесяти вагонов, в которых были трактора, автомобили, электрогенератор, ремонтная мастерская, навесные сельхозорудия, палатки, семена, медикаменты. А главное — десяток квалифицированных специалистов из Северной Дакоты: фермеры, механик, агроном, врач. Вовлеченные Уэйром в большевистский эксперимент, они заключили полугодовой контракт с Советами с оплатой лишь в виде натурального обеспечения.

---

² Г. Тарле, *От имени революции*, „Смена” 1967, № 7, с. 3; С. Федотова, Е. Гараев, *«Мериканцы» в Пермской губернии*, „Компаньон – magazine” 2006, № 5, с. 44–49.

³ L. Harris, *Harold Ware (1890–1935), Agricultural Pioneer, USA and USSR*, „Occasional paper” 1978, № 30, American Institute for Marxist Studies.

Непонятно, почему Ленин не нашел для американцев земли поближе и получше, кроме как в непролазной глубинке Пермского нечерноземья, разоренного гражданской войной.

2 июля 1922 года команда Уэйра прибыла на железнодорожную станцию Верещагино, находящуюся в ста километрах от Тойкина, куда американцы добирались своим ходом по бездорожью две недели.

Пермские крестьяне были потрясены чудесами: тракторами, электричеством и кинематографом. Между американцами и русскими быстро возникли дружеские отношения. Соревнование тракторов с лошадьми в пользу тракторов, кино про успехи американской фермерской механизации, электрические бытовые приспособления, например, электроплиты однозначно агитировали пермских крестьян за технический прогресс. Налаживалась и личная жизнь приехавших. Один из американских итальянцев женился на тойкинской крестьянке⁴.

Из Тойкино в Москву и Америку поступали, конечно, исключительно радужные сведения о перспективах первого американско-советского совхоза. Довольный Ленин в письме «Обществу друзей Советской России» в Америке сообщал:

Дорогие товарищи! Я только что проверил специальным опросом Пермского губисполкома те чрезвычайно благоприятные сведения, которые были опубликованы в наших газетах, относительно работы членов вашего общества... в совхозе «Тойкино»... Я вхожу с ходатайством в президиум ВЦИК о признании этого советского хозяйства образцовым и об оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и другими материалами, необходимыми для организации ремонтной мастерской...⁵.

В этом благостном письме про «образцовое хозяйство» смущает лишь странное упоминание о какой-то «специальной и экстраординарной помощи». На самом деле, меж американским отрядом и пермским губисполкомом к тому времени возник затяжной конфликт по ключевым организационным вопросам. «Прожорливая» американская техника требовала дефицитного горючего и смазочных материалов, доставляя тем самым постоянную головную боль пермским кураторам тойкинского совхоза. В губкоме сетовали на американцев, что они не там пахут и бесхозяйственно расходуют бензин и смазку. В свою очередь, американцы требовали возведения обещанных им жилья и ремонтной

---

⁴ Описание особенностей межличностных взаимоотношений американцев с пермяками дано в статье *Американцы в Тойкино* в книге „Земля Сосновская”, Пермь 2004, с. 19–23.

⁵ В.И. Ленин, *ПСС*, т. 54, с. 545.

мастерской. А уж на такие капиталовложения у губкома тем более не было средств. Заведующий совхозом с советской стороны товарищ Чикин, оказавшись между американским молотом и пермской наковальней, на заседании пермской партячейки констатировал особенности местной организационной неразберихи и неформальной экономики:

В настоящее время отряд оказался в Пермской губернии без роду и племени, т.к. Межрабпомол ликвидировался, а Товарищество рабочей помощи, будучи преемником последнего, от отряда отказалось и отряд попал в положение наемного работника Кизел-копей... Дорого стоит доставка топлива, т.к. приходится возить со ст. Верещагино за 70 верст, причем мобилизованные на подвозку топлива крестьяне во время перевозки всяческими способами отливают бензин и разбавляют водой, что вредно отражается на работе машин.⁶

Наступала осень. Обещанная тойкинскому отряду помощь так и не пришла, даже после указания Ленина. Перед американцами встала проблема, как пережить предстоящую уральскую зиму.

Гарольд Уэйр в этой ситуации предпринял кардинальные меры. Для начала он перебрался со своим отрядом несколько южнее, в Челябинскую область, где условия для работы и жизни оказались лучше. А с середины 1920-х годов и фактически до конца Первой пятилетки Уэйр принимал активное участие в организации нескольких советско-американских совхозов на юге России и Северном Кавказе. У него накопился богатейший и уникальнейший опыт общения как с простым народом, так и с высокопоставленными чиновниками советской России.

В то время СССР закупал за границей с каждым годом все больше сельхозтехники. Советский рынок вызывал огромный интерес крупнейших американских производителей тракторов и комбайнов. В 1930 году, например, в разгар великой депрессии, в Штатах Советский союз закупил у американских производителей тракторов больше, чем они смогли продать у себя в Америке⁷. Ряд крупнейших американских агрофирм предлагали Уэйру место своего полномочного представителя в СССР с весьма приличным окладом. Но менеджер-коммунист Уэйр на подобного рода соблазны отвечал отказом. Дневник Уэйра осени 1929 года содержит эмоционально искренние пояснения причин такого решения:

Мне предлагают заниматься российскими делами в одной крупной американской компании. Это означает – достаточно денег для весьма

---

⁶ С. Федотова, Е. Гараев, «*Мериканцы*» в Пермской губернии, „Компаньон – magazine” 2006, № 5, с. 47.

⁷ D. Fitzgerald, *op. cit.*, p. 158.

и весьма зажиточной жизни. Сейчас дела у меня обстоят так, что я только-только могу выжить, с трудом могу послать своих детей в приличную школу. Но принять эту должность будет означать жить с чувством невыполненного долга, незавершенной работы, для которой, так уж мне повезло, я являюсь самым подходящим человеком, чтобы помочь в проведении сельскохозяйственной революции от индивидуального хозяйства к индустриальному. Я могу помочь и обязательно помогу этой быстрой трансформации. Сегодня в России мы можем помочь людям сэкономить миллионы долларов и миллионы часов рабского человеческого труда.

Если бы я пошел на это предложение, я перестал бы быть их другом и превратился бы только в продавца. Нет уж! Я решил оставаться таким дураком, каким я родился, и продолжать начатое мною дело.⁸

В 1932 году Уэйр вернулся в США. Как объяснил он своим русским и американским друзьям, к концу Первой пятилетки русские вполне овладели собственным опытом проектирования и эксплуатации крупных агроиндустриальных предприятий-совхозов и наладили собственное массовое производство тракторов, комбайнов и автомобилей. В этих условиях Уэйр считал свою миссию в СССР выполненной. Теперь он, наоборот, стремился в США, где бушевала великая экономическая депрессия и где уже американские трудящиеся нуждались в его организаторских талантах. Был ли Гарольд Уэйр действительно искренним в своих оптимистических заявлениях по поводу успехов сельской индустриализации в СССР? Неужели с его громадным опытом сельской жизни в советской России он не разглядел в 1932 году надвигающуюся угрозу великого голода?..

2. Совхоз «Верблюд» и Лемент Харрис

До начала Первой пятилетки сотрудничество русских и американцев в проектировании и работе крупных аграрных предприятий носило все же спорадический характер, но все стало меняться в 1928 году в преддверии наступающей форсированной индустриализации. В этот год Сталин выдвинул задачу создания мощного сектора крупных механизированных зерновых хозяйств (совхозов) в южных степных районах СССР. Для этого из Америки пригласили уже несколько сотен американских специалистов – менеджеров, агрономов, инженеров, механизаторов. Одно из первых крупных предприятий, основанных в Ростовской области, совхоз № 2,

---

⁸ L. Harris, *My Tale of Two Worlds*, NY: International Publishers 1986, p. 74.

получивший смешное неформальное название «Верблюды», стал испытательным американо-российским аграрным полигоном. Американский механик, работавший в этом совхозе, – Лемонт Харрис в 1980-е годы опубликовал книгу своих воспоминаний о советско-американском совхозе и вообще, об СССР времен Первой пятилетки.⁹

Харрис, выросший в богатой семье, любил на досуге читать книжки про проекты усовершенствования человечества по рецептам Толстого, Ганди и Ленина. Толстой был для него слишком аристократ, в Ганди его раздражала панацея кустарной индийской прялки, а в СССР, как ему казалось, действительно собрались серьезно побороться с бедностью трудящихся, и молодой американский механик отправился строить социализм в СССР. Книга Лемонта Харриса, побывавшего за три года своей советской жизни, кроме совхоза «Верблюды», в Одессе, Ростове, наконец, в Москве и Сочи и поработавшего трактористом, строителем, переводчиком, полна увлекательных описаний трогательных и смешных советских порядков, к которым в целом автор относился с симпатией и пониманием.

Что касается самого «Верблюда», раскинувшегося на площади двести тысяч га, то в его задачу входило массовое производство дешевого зерна на степных ростовских черноземах, демонстрация новейшей сельскохозяйственной техники и обучение работе на ней студентов сельскохозяйственных вузов и техникумов. В совхоз вошли земли окружающих деревень, из жителей которых рекрутировались сельхозработники. Вся земля была поделена на восемь участков. Каждый участок имел в чистом поле свой лагерь, состоявший из вагончиков и палаток, в которых жили работники совхоза.

Рабочий день начинался в четыре утра. Работники готовили трактора и комбайны к работе: заливали в них бензин, масло и воду. Так как техника была ненадежная, а многие механизаторы неопытные, то тракторы и комбайны часто ломались. Для оказания оперативной помощи в поле дежурили квалифицированные механики, как правило, из американцев, на лошадях, с притороченными к седлам сумками с инструментами. Механики-всадники зорко высматривали остановившийся трактор или комбайн. Если из машины махали белым флагом, значит она сломалась, и всадник-механик сломя голову скакал на помощь. Работа в пик сезона продолжалась почти круглосуточно.

Передвижной бригадный лагерь, по мнению Харриса, внешне напоминал бродячий цирк. В центре лагеря находилась большая спальная палатка на тридцать коек. Рядом стояла такая же палатка для рабочих

---

⁹ Ibidem.

собраний. В ней стояли стулья и столы, в Красном уголке были книги и журналы. Еще в лагере был передвижной домик, где жили женщины-трактористки и поварахи. Другой домик на колесах представлял собой ремонтную мастерскую. Гарольд Уэйр способствовал сооружению передвижных душей, о наличии которых особенно беспокоились чистоплотные янки. Харрис так описывает душевую конструкцию Уэйра:

Тракторы были доставлены из Америки в больших деревянных контейнерах, которые Уэйр предложил поставить в степи открытыми сверху, за исключением одной доски, пересекающей их на месте крыши. На эту доску ставили шесть десятигаллоновых контейнеров с водой, в дне каждого из которых была проделана дыра и вставлена резиновая трубка с зажимом... Цистерны на колесах привозили воду, а ручной насос накачивал её в контейнеры. Горячее июльское солнце нагревало воду и делало для нас вполне приемлемый душ.¹⁰

С меньшим энтузиазмом и большей тревогой Уэйр описывает конструкцию совхозно-лагерного отхожего места:

Сзади душевых кабинок находился туалет – яма с доской через нее. Примостившись на ней, с ужасом представляешь себе, что случится, если ты потеряешь равновесие.¹¹

Кухня в совхозе «Верблюды» была на колесах — военно-полевая. Стальные плиты разогревались дровами. Готовили супы с мясом и овощами.

Совхоз работал в чистом поле. Поэтому контакты рабочих совхоза с местными жителями не были частыми. Озадаченный Харрис вспоминает, как по осени, вспахивая бескрайние ростовские земли, совхозные тракторы выползли к участку, засеянному великолепным подсолнечником. Трактористы не посмели перепахать это место, благо что неподалеку в это время находился Уэйр, который велел оповестить местное население, что если в ближайшие два дня не объявятся хозяева подсолнечника, поле придется перепахать. Не последовало никакого ответа, но уже на следующее утро подсолнечник исчез. Кто-то за ночь полностью убрал урожай. Конечно, это были крестьяне, которые в тайне от властей, проводивших в это время коллективизацию, посеяли подсолнечник и так же в тайне убрали урожай. Наивный Харрис, комментируя этот случай, глубокомысленно утверждал, что в данной истории виден вековой страх

¹⁰ L. Harris, op. cit., p. 66.

¹¹ Ibidem.

крестьян еще перед царской властью и не преодоленный даже при рабоче-крестьянском правительстве.

Несмотря на явную нехватку современных агротехнических знаний, русские, по мнению Харриса, особенно молодое поколение, страстно стремились учиться. К тому же порядки в совхозе казались действительно демократическими и коллективистскими. На Харриса произвел большое впечатление конфликт между американским механиком и русским рабочим.

В совхоз «Верблюды» фирма «Катерпиллар», кроме мощных полевых тракторов, прислала миниатюрный трактор «Кат», предназначенный для садовых работ. Один из русских трактористов, загоревшись любопытством, подскочил к трактору, включил зажигание и завел мотор, не проверяя даже наличие воды в радиаторе. Американский механик Робертсон, понимая, что мотор моментально выйдет из строя, бросился к трактористу, отшвырнул его, выключил мотор, спрятал ключи в карман и ушел, не сказав ни слова – не зная русского языка.

Обиженный тракторист подал жалобу на американца в профсоюз. Харрис присутствовал на товарищеском суде, проходившем в палатке для собраний. Палатка была набита битком народом. Мрачноликий профсоюзный президиум приступил к опросу свидетелей.

Среди американских специалистов тут же нашелся адвокат по призванию, представитель фирмы «Катерпиллар» мистер Тэтчер, заявивший:

Обстоятельства изложены верно. Я не защищаю действий Робертсона, я даже осуждаю их. Но есть обстоятельства, о которых вам необходимо знать. Робертсон – холостяк. Он никогда не был женат. В его жизни не было женщины. Вся его жизнь посвящена тракторам и другим машинам. В действительности он так предан своему делу, что можно сказать, что он женат на своих машинах.

Когда он увидел, что трактор был заведен без воды в радиаторе, он не мог подумать ни о чем другом, кроме как о том, что жизнь машины под угрозой. Его действия были спонтанными – такими же, как повел бы себя любой мужчина, если бы кто-то обидел его жену.¹²

Это был сильный ход. В СССР под идеологической опекой находились не только рабочие, но также женщины и машины. После такой трогательной речи, не скрывающие своего удовлетворения руководители профсоюза оставили дело без последствий, не желая портить отношения с американцами.

---

¹² Ibidem, p. 64–65.

Впрочем, в отличие от Харриса, упорно интерпретировавшего все увиденное в СССР только с лучшей стороны, другие американцы, также работавшие в «Верблюде», критические судили о советской действительности. Тем более что подавляющее большинство американцев, приехавших в СССР, руководствовались не социалистическими идеалами, но прагматическими интересами – высокими зарплатами, которые платили большевики иностранным специалистам. Американцы получали в несколько раз больше, чем советские механизаторы. Видя, как мало получают русские и насколько нерентабельны советские предприятия, в том числе и совхозы-гиганты, они сочинили песенку:

Ты теперь в совхозе „Верблюд”, ты не один!
Ты никогда не станешь тут богатым, сукин сын!
Припев:
Ты теперь в совхозе!
Ты теперь в совхозе!¹³

Озадачивали американцев и особенности советского интернационализма-национализма. С одной стороны, русские назойливо расспрашивали американцев о притеснениях в США негров, выражая чернокожему населению свое неперемнное сочувствие. Американскую диаспору однажды облетело известие о том, что когда на Сталинградском тракторном заводе белый американец, поссорившись с чернокожим американцем, нокаутировал последнего, то оказался за это под угрозой тюремного заключения. После показательного процесса с привлечением широкой общественности он был спешно выдворен за пределы СССР. Итак, с одной стороны мультицветной советский интернационализм, с другой стороны, американцы начинали ощущать на себе и своеобразный советский национализм. Русские к ним порой относились насмешливо-снисходительно, как к гражданам из страны отсталой – капиталистической – формации.

Смущали американцев и некоторые приметы военизации в повседневной сельской жизни. Так, студенты, работавшие на полях «Верблюда», жили, по мнению американцев, по казарменным порядкам. Одной из идеологических составляющих воспитания молодежи было частое напоминание о том, что сегодняшние трактористы это завтрашние танкисты.

Но, конечно, более всего американцев выводил из себя советский бюрократизм. Два американских инженера, вернувшись в совхоз из долгосрочной командировки в Москву и Ростов, заявили своим соотечественникам, что там в многоэтажных офисных зданиях все отвра-

¹³ Ibidem, p. 58.

тительно, лишь одно дело поставлено образцово: производство и использование табличек с надписью «Лифт не работает».

Главный агроконсультант «Верблюда» профессор Вильсон характеризовал советские учреждения времени Первой пятилетки по уровню развития как доисторические. Уже вернувшись в Америку, он все посылал в советские совхозы литературу по актуальным, как он считал, вопросам: менеджменту и учету¹⁴.

А Лемент Харрис так навсегда и остался почитателем советского образа жизни. Тридцать пять лет спустя, в хрущевские времена, его пригласили в СССР и в станице Егорлиевской – бывшем штабе совхоза «Верблюд», ставшем в 1960-е годы центральной усадьбой совхоза «Селинский», на банкете в честь американского гостя ему вручили диплом за активное участие в создании ордена Ленина совхоза «Селинский» Егорликского района Ростовской области.

Смущенный Харрис поблагодарил, скромно заметив, что гораздо больше этой чести достоин действительно участвовавший в создании совхоза товарищ Гарольд Уэйр. Харрис как-то не придал значения тому, что за время его отсутствия в СССР этот совхоз № 2 (он же «Верблюд») распался на несколько колхозов и совхозов, в том числе и совхоз «Селинский». Чтобы понять загадку укрупнения и разукрупнения американско-советских аграрных детищ надо было от совхозной повседневности подняться к вершинам политики советской власти и американского бизнеса.

3. Коммунистическое руководство и Томас Кэмпбелл

Иосиф Сталин до конца 1920-х годов, в отличие от многих других большевистских лидеров, не имел никакого отношения к гигантомании, ничего об этом не писал и не говорил. Напротив, до 1928 года он периодически подчеркивал свое скептическое отношение к новым гигантским индустриальным проектам, которые могут разорить небогатую казну большевистского государства¹⁵. Но в 1928 году Сталин стал решительно поощрять гигантоманию. Одним из первых признаков перемен в советской экономической политике было решение о строительстве крупных совхозов на юге страны.

Это было связано с кризисом хлебозаготовок, возникшим из-за нежелания крестьян продавать зерно государству по официально

¹⁴ D. Fitzgerald, op. cit., p. 180.

¹⁵ И.С. Сталин, *Об оппозиционном блоке в ВКП (б)*, Сочинения т. 8, с. 152–155.

установленным, невыгодным для них ценам. Советская власть ответила насильственным изъятием зерна у крестьян и усиленным насаждением колхозов и совхозов¹⁶.

Первый (дохрущевский) план освоения целинных земель обсуждался на июльском пленуме ВКП (б) 1928 года¹⁷. В центре дискуссии оказалось имя некоего американского капиталиста Томаса Кэмпбела. В конце концов, пленум утвердил просталинское решение о развертывании степных совхозов-гигантов. В январе 1929 года Сталин пригласил Томаса Кэмпбела в Москву.

Кто такой Кэмпбел? – Крупнейший американский агротехнократ, его методы организации работы называли агротейлоризмом, его самого – аграрным Фордом. В 1928-м году журнал „Time” поместил портрет Кэмпбела на свою обложку с публикацией позитивной статьи о нем самом и его гигантской зернофабрике в степях штата Монтана¹⁸.

Зимой 1929 года мистер Кэмпбел, миллионер, прибыл в СССР. Его принимали со всеми почестями и радушием Сталин и Калинин. Он выступил в Москве с лекциями о крупном американском агробизнесе. Летом 1930 года Кэмпбел снова побывал в СССР, в совхозах-гигантах Юга России, в том числе, конечно, в совхозе «Верблюды». Кэмпбел был полон позитивных впечатлений и в 1932 году опубликовал о Советском Союзе книгу под типично американским по смыслу названием «Россия: рынок или угроза?»¹⁹.

Книга была написана с большой симпатией к СССР. На ее первой странице, вместо предполагаемого, например, портрета автора или Сталина, была помещена фотография советской доярки-комсомолки в белоснежных халате и платке, с бидонами молока. А дальше были, конечно, фотографии и Сталина, и Кэмпбела, и бескрайних пшеничных полей, на которых работали американские комбайны.

Тезисно основные положения книги Кэмпбела сводились к следующему ряду утверждений.

(1) Советская Россия – великая страна, в настоящее время трансформирующаяся из отсталости в нечто неведомое.

(2) Народ России находится под новой формой революционного управления, также доселе неизвестного. Эта форма управления основана на всеобъемлющей программе индустриализации с централизованным контролем. Коммунист вы или нет (автор подчеркивает, что сам он не

¹⁶ M. Lewin, *Russian Peasants and Soviet Power*, London 1968.

¹⁷ И. Е. Зеленин, *Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х–30-е годы)*, „Отечественная история” 1996, № 2, с. 55–65.

¹⁸ Cover Thomas Campbell, „Time” 1928, Jan. 9.

¹⁹ T. Campbell, *Russia: Market or Menace?*, Longmans. L, NY 1932.

коммунист), но всем становится ясно, что советский эксперимент невозможно просто игнорировать.

(3) Революция разбудила гигантские социальные силы. Идеи коммунизма были посеяны тысячи лет назад, – их урожай поспевает только сейчас. Автор искренне рад, что экспериментальным полем коммунистического урожая стала Россия, а не Соединенные Штаты.

(4) Сельское хозяйство – краеугольный камень советских реформ. Хлеб – великое слово в России, на хлебе все здесь основано. Так как автор всю свою жизнь в Америке посвятил выращиванию этого самого хлеба, он был приглашен для соответствующих дискуссий в Россию, где модернизация сельского хозяйства является основой созидания новой социальной структуры общества.

(5) Чудовищен стресс первого пятилетнего плана как для советских руководителей, так и для всего народа. Русские за победы первой пятилетки расплачиваются ценой невероятных лишений, которые никогда еще в мирное время не испытывала ни одна нация.

(6) Советская Россия представляет для всего мира великую проблему, которую невозможно игнорировать как социально, так и политически, и конечно как перспективный фактор громадного бизнеса международной торговли. Безусловно, замечательными были и описания личностных впечатлений Кэмпбела от России.

(7) Первое путешествие из Варшавы в Москву – транссибирский экспресс въезжает в жуткий русский январский мороз. Пресконференция в Зернотресте. Молодые, увлеченные лица советских специалистов на лекции Кэмпбелла. Посещение Большого театра, где давали „Аиду” и „Севильского цирюльника”. Покупка очень теплой шапки диковинного персидско-русского покроя. Прием в Кремле у Сталина. А кабинетик то, отделанный деревом, – отмечает Кэмпбел, – у советского вождя скромный, так на уровне кабинета американского менеджера среднего инженерного звена, а не крупного американского политического деятеля.

(8) Какой он Сталин? Кэмпбэл описывает его так: он коренастый, невысокий, его темные глаза беспрерывно пристально смотрят на вас. У Сталина широчайший кругозор и потрясающая осведомленность в экономико-технократических вопросах, в этом он очень напоминает ведущих капитанов-технократов американского бизнеса. Широту его кругозора демонстрируют сталинские познания в конституции США.

(9) Ну, какой он еще? – по мнению Кэмпбела, – тяжелый Сталин человек, но должно быть не жестокий. Он требует суровой дисциплины. Так ведь любая страна после войны и революции требует к себе жестких мер. Да, он, видать, жесток, но, похоже, не жесток, нет, не кровожаден. Он

конечно, в любом смысле диктатор, но по нынешним временам Россия и должна иметь диктатора.

(10) Второй прием у четы Калининых – большой банкет. Кемпбелу предлагают выпить, а он отказывается: в Америке сухой закон. Русские в ответ, сокрушенно недоумевают. Миссис Калинина заботливая хозяйка. Президент России Калинин много работает над проблемами великой аграрной реформы. Он сам долго жил в сельской России и глубоко понимает тяготы и чаяния русского крестьянства.

(11) Ах, как прекрасна Москва зимой, этот город на пограничьи Запада и Востока, вот только бы, гуляя по Москве еще уметь не обращать внимания на то, как бедно одеты эти русские, как много среди них бродит просто нищих, да, и вообще, по такому морозу у москвичей на ногах редко встретишь нормальную зимнюю обувь, а все какие-то странные... далее следует смешное описание рваных и самодельных калош... И эти люди готовы догнать и перегнать Америку?!

(12) Общий, финальный вывод Кэмпебла: Россия маловероятная угроза для мира, в громадной степени это великий рынок для взаимовыгодного мирового сотрудничества. И к тому же сам Сталин уверял Кэмпебла в миролюбивой внешней политике Кремля...

И тут же, эта, в общем, наивно безобидная книга Кэмпебла попала во многом по парадоксальному недоразумению в центр очередной злобной склоки меж вождями мирового коммунизма.

Троцкий, пристально следивший за всеми книжными аналитическими новинками, посвященными СССР, прочитав французское издание книги Кэмпебла, немедленно в своем Бюллетене оппозиции опубликовал издательскую для Сталина статью-рецензию: „Обеими руками: Сталинская бюрократия и Соединенные штаты”²⁰. В центре статьи находится анализ и интерпретация, описываемой в книге, встречи Кэмпебла со Сталиным. Троцкий со злорадством отмечает, что Сталин пожимал американцу руку своими обеими руками (значит, заискивал перед капиталистом). Далее Сталин беседовал с капиталистом неприлично долго, всю ночь, до самой зари. Но, главное, Сталин в беседе подчеркнул, что СССР теперь не собирается заниматься мировой революцией (и вообще этим всегда занимался Троцкий, а не Сталин), а, проводя миролюбивую внешнюю политику, строить внутри страны социализм. Для этого Советский Союз очень заинтересован в развитии торгово-экономических отношений с Америкой. Общий вывод статьи Троцкого: Сталин и его бюрократия,

---

²⁰ Л.Д. Троцкий, *Обеими руками. Сталинская бюрократия и Соединенные Штаты*, «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» 1932, № 32, с. 2–7.

попав в тяжелую экономическую ситуацию среди авантюр первой пятилетки, теперь ищут всяческой поддержки у американского империализма, предавая цели и идеалы мировой революции.

Сталин пришел в ярость от прочтения статьи Троцкого. Немедленно в журнале „Большевик” была опубликована сталинская статья „Господин Кэмпбелл привирает”²¹. В ней решительно отрицалась достоверность всех тех фактов, на которые обращал внимание Троцкий, утверждалось, что беседа длилась не с ночи до зари, а всего лишь два часа, не было никаких многозначительных двуручных сталинских рукопожатий, имя Троцкого, оказывается, вообще не упоминалось в беседе и так далее.

Фактография подробностей этого конфликта современными историками-архивистами изучена достаточно тщательно. Из-за разницы французского перевода английского издания книги, с одной стороны, Троцкий вычитал, то чего Кэмпбелл по-английски не писал. С другой стороны, изначальная запись стенограммы беседы Сталина с Кэмпбеллом предполагала двусмысленность и неопределенность в некоторых местах²². А, в результате, конечно, Кэмпбелл оказался в довольно глупом положении, которое и зафиксировал в своей заметке „Прекрасный джентльмен” журнал „Time”²³. Журнал иронизировал, что именно Кэмпбелл прочувствованно назвал в своей книге Сталина прекрасным джентльменом, а этот джентльмен в ответ грубо обхамил Кэмпбелла. Конечно, после этого троцкистско-сталинского конфликта советская сторона навсегда разорвала отношения с Кэмпбеллом. Впрочем, в ответ Кэмпбелл не затаил в сердце хамства. В годы войны с фашизмом, он энергично и настойчиво агитировал за оказание американской помощи советскому союзнику.

Кэмпбелл прожил долгую жизнь. После войны неутомимый инноватор-технократ реализовывал свои проекты крупных механизированных предприятий даже в Марокко и Тунисе. А главное, несмотря на все колебания мировой сельскохозяйственной конъюнктуры, он уверенно вел бизнес „Кэмпбелл Фарминг Корпорейшн” до самой своей смерти. Наследники же Кэмпбелла, не справившись с управлением таким громадным детищем, распродали его по частям²⁴.

²¹ И.С. Сталин, *Господин Кэмпбелл привирает*, Сочинения т. 13, с. 146–157.

²² Борович – Поскребышеву о книге американского сельскохозяйственного магната Кэмпбелла 3 января 1933 г., Большая Цензура. Писатели и журналисты в стране советов 1917–1956. Составитель Л. В. Максименков, М. 2005, с. 273–276.

²³ *Fine Gentleman*, „Time” 1933, Jan. 09.

²⁴ D. Fitzgerald, *op. cit.*, p. 222.

4. Взлет и падение советско-американской гигантомании

На старте Первой пятилетки американо-российская гигантомания переживала воистину медовый месяц. На Юге России создавались крупные зерносовхозы. На костромских и смоленских землях создавались гигантские льноводческие совхозы, в Крыму и на Кубани — огромные совхозы-сады. На поволжско-сибирских равнинах скотину сгоняли в несметные стада. Подчеркивалось, что эти преобразования основаны на иностранном, прежде всего, американском опыте. С гордостью заявлялось, что наши совхозы, разумеется, в три-четыре раза крупнее самых больших американских. И работает в наших совхозах американская сельхозтехника²⁵. В действительности чудодейственных американских тракторов и машин в хозяйствах было крайне мало, да и работать на этой технике еще предстояло как следует научиться.

Однако в таких образцовых совхозах, как «Верблюды» или «Гиганты», с американской техникой и ее обслуживанием особых проблем не было. И в первые два года оба совхоза собрали неплохой урожай²⁶.

Весной 1931 года центральная усадьба совхоза «Верблюды» превратилась в благоустроенный рабочий поселок. На это советско-американское чудо приезжала смотреть интернациональная бригада писателей из Франции, Америки, Венгрии и Германии. Член бригады француз Вайян Кутюрье писал о «Верблюдах» в своей статье «Социалистический город зерна», опубликованной в мае 1931 года в «Правде»²⁷.

Но к концу первой пятилетки в 1932 году совхозное опьянение стало резко сменяться похмельем. Появились тревожные сигналы о нарастающих кризисных явлениях, а то и о резком экономическом спаде в совхозном производстве.

В «Верблюдах», да и во всех остальных совхозах-гигантах, начался обвальный спад производства²⁸.

В чем же были причины совхозного кризиса? Первопричиной стало неудержимое, перманентное укрупнение совхозов. В 1928 году было образовано десять южно-степных совхозов на площади 545 тыс. га, то есть в среднем на один совхоз приходилось 54 тыс. га земли (крупнейшее

---

²⁵ В.И. Зайдинер, *Строительство новых зерновых совхозов в конце 20-х – начале 30-х годов и возникновение агрогородов*, Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв., М. 1998, с. 153–155.

²⁶ Ibidem, с. 154.

²⁷ В. Кутюрье, *Социалистический город зерна*, „Правда” 1931, 12 мая.

²⁸ В.И. Зайдинер, В.К. Горбенко, *Учебно-опытный зерносовхоз № 2: история и современность*, „Зерноград” 1993, с. 17.

в мире хозяйство Кэмпбела занимало 35 тыс. га). В 1930 году на степном юге было четырнадцать совхозов с общей площадью более 1 млн. га. То есть в среднем на один совхоз уже приходилось 80 тыс. га земли.

При этом земли двух сверхгигантов — совхоза «Гигант» и совхоза «Верблюды» выросли соответственно со 127 тыс. га в 1928 до 239 тыс. га в 1930 у «Гиганта» и с 110 тыс. га в 1928 году до 228 тыс. га в 1930 году у «Верблюда». Рассматривались проекты создания на базе этих гигантов агрокомбинатов, включавших в себя все окрестные колхозы и совхозы. Подобного рода перманентное укрупнение, при тогдашнем уровне развития техники и связи, приводило к потере управляемости. Она выражалась, прежде всего, в несоблюдении необходимых аграрных технологий. И это была вторая серьезная причина спада совхозного производства.

Как и предупреждали ученые-аграрники старой школы, через пару лет целинные земли стали резко истощаться от применения упрощенной агротехники (монокультура пшеницы без севооборотов, мелкая пахота, сокращение паров)²⁹. Да и такая упрощенная агротехника, столь удобная для формальной отчетности бюрократического вала, плохо соблюдалась: вспашка зяби, паров, уборка урожая, — все сильно затягивалось.

Сказывалась и уравниловка в мотивации совхозных работников, нестабильность их труда на постоянно перетасовываемых участках совхозных бригад и звеньев. К тому же, большинству работников не хватало квалификации для работы с машинами, да и сама сельскохозяйственная техника, даже американская образца 1930 года, не была достаточно надежна.

В результате производственные показатели совхозов, начиная с 1931 года неуклонно поползли вниз. Даже образцовые «Гигант» и «Верблюды» в 1932 и 1933 годах собирали не более 3,5–4 центнеров с га. План по зерну совхозы выполняли меньше чем на 30%. Поля агрогигантов стремительно зарастали сорняками, деморализованная рабочая сила разбегалась. Надвигался великий голод.

Но всего этого американские товарищи и господа, трудившиеся в «Верблюде» и его окрестностях, уже не увидели. При первых признаках грозящей катастрофы они были отправлены за пределы СССР. Им заявили, что теперь СССР и сам управится с крупным аграрным производством, а значит и не нуждается более в зарубежной агропомощи.³⁰ Советское сельское хозяйство еще несколько лет тягостно преодолевало последствия

²⁹ И.Е. Зеленин, *op. cit.*, с. 56.

³⁰ L. Feuer, *American Travelers to the Soviet Union 1917–1932: The Formation of a Component of New Deal Ideology*, „American Quarterly” 1961, № 3, p. 147.

своей форсированной гигантомании. В 1933-году бывший советско-американский совхоз „Верблюды” был сперва разукрупнен на 4 совхоза, а вскоре и эти совхозы разукрупнили еще раз³¹. Что касается идей пшеничного агрогигантизма в самой Америке, то в 1930-е годы эта идея попросту выдохлась. Агрофабрика Кэмпбелла не продемонстрировала решающих преимуществ в конкуренции с фермерскими хозяйствами³². Да, само по себе укрупнение аграрного производства происходило и происходит до сих пор. В США уже давно сельским хозяйством безраздельно управляет агробизнес крупных корпораций, но базируется то он на структуре все тех же традиционных семейных фермерских хозяйств. В СССР и после тридцатых годов периодически носились с идеей совхозного укрупнения, руководствуясь советским идеологическим постулатом, что крупное казенное агропроизводство самое прогрессивное и выгодное. Действительность всякий раз опровергала эту догму, – после очередного увеличения количества и размеров совхозов за счет колхозов и личных подворий граждан почти автоматически в стране возрастали так называемые продовольственные затруднения.

Может показаться, что американско-советская агрогигантомания 1920–1930-х годов осталась в истории лишь абсурдным анекдотом, памятником-тупиком советской аграрной эволюции, но приступы маний, в том числе и агроманий, периодически повторяются³³. На смену индустриальным гигантоманиям XX века, кажется, приходят наномании биотехнологий века XXI, в которых уже возможно обнаружить собственные агроманиакальные парадоксы. Впрочем, это тема уже другого исследования – современного социально-философского, которому могут оказаться небесполезными исторические прецеденты американско-советских фантазмов почти столетней давности.

Soviet and American Agrarian Giant-mania in the 1920s – 1930s: Projects, Contradictions, Outcomes

The article is devoted to the phenomenon of agrarian giant-mania in the 1920s – 1930s whose technical ideas emerged at the turn of the 20th century in the USA and which were put into practice with vigor and enthusiasm in establishing the system of giant farms (sovkhozes) in the USSR.

The article is based on the analysis of three biographic cases of American agro-consultants who worked in the soviet Russia. The first case is connected with the work in the USSR

³¹ В.И. Зайдинер, В.К. Горбенко, *op. cit.*, с. 21.

³² D. Fitzgerald, *op. cit.*, p. 227.

³³ А.М. Никулин, *Новейшая гигантомания*, „Политический журнал” 2004, № 4, с. 15–18.

of Harold Ware, manager and communist, who created the first Soviet-American sovkhos in 1922. The second case is the story of life and work in soviet sovkhoses of Lement Harris, leftist agro-mechanic. The third case is devoted to Thomas Campbell, an American agrarian tycoon and owner of the biggest grain factory in the world, who consulted Stalin and his government in the years of the 1st five-year plan.

The article reconstructs and analyses the peculiarities of the mentality and activity of different strata of Soviet society, ranging from sovkhos workers to communist leaders, in their interaction with the representatives of the American industrial-agrarian culture.

Finally, conclusions about the significance of big and super-big highly technological agrarian production in the Soviet history are drawn, and the question of the causes of recurrence of the giant-mania phenomenon is raised.

On the whole, this research is based on the multi-disciplinary understanding of social history as a broad field of interplay and interaction between political-economic and social-cultural factors and contradictions, where statistics and anecdotal facts appear to be natural components of human history.